

Ефим Давыдович Зозуля

Мастерская человека

Предисловие первое

Да здравствует литература!

Да здравствует вымысел!

Он один приблизит нас к будущему!

Он один — реальный, дедуктивный, художественный, веселый — уведет нас от прошлого!

«Мастерская человека» — опыт реалистического вымысла, — вымысла, основанного на реальном.

«Мастерская человека» — опыт аналитической сатиры, сатиры, борющейся не только смехом, но и анализом.

Для чего это?

Какова установка «Мастерской человека»?
Чего хочет автор?

Он хочет: увидеть нового человека, представить себе его, вообразить его, присутствовать при его родах, суесться в его ожидании.

Нового общественного человека создаст коммунизм.

Он придет вместе с новыми производственными отношениями.

Автор «Мастерской человеков» хочет: угадать его, увидеть хотя бы его контуры, почувствовать его дыхание, услышать его первые шаги. Он хочет: окончательно скомпрометировать все, решительно все, что может помешать родиться, расти и развиваться новому человеку!

Новый человек рождается не просто.

Новый человек рождается в грязи, в крови, в слезах, в резкой смене температур.

Трудны роды нового человека!

Автор «Мастерской человеков» хочет: быть одной из повивальных бабок при этом великом, остром, серьезном, очень болезненном и трудном, но в то же время и радостном и веселом — самом занимательном из всего, что происходит на земле, — процессе!

Он хочет помочь этому процессу!

Он хочет стоять с остро отточенными щипцами сатиры в руках.

**Ведь надо
всеми мерами,
всеми силами,
всеми средствами
вытянуть нового человека
из темной утробы старого мира!**

Читатель!
Перед вами пройдет много материала
для
серьезных,
важных,
активных,
острых
дум о человеке.
Дум о том,
из чего состоит человек
и как идет процесс его переделки.
Дать этот материал
возможно шире,
возможно обильнее
задача автора.

Предисловие второе

Два вопроса — в числе многих — никак пока еще не разрешены человечеством. Это, во-первых, вопрос о том, как изобретателю приходит в голову счастливая идея изобретения. И, во-вторых, почему самые простые изобретения и открытия приходят черт знает с каким опозданием.

Вообще это совершенно неисследованная область, полная невероятной мути и всевозможных сюрпризов.

В самом деле, нельзя даже приблизительно учесть обстоятельств, родивших то или иное великое открытие или изобретение!

Давно известно, что изобретателей считают обычно большими чудаками и даже с придурью. Действительно, пути их мысли совершенно непонятны. Даже строгая последовательность часто строится на неизвестно откуда взявшихся предпосылках.

В этих предпосылках, то есть во внезапно неизвестно откуда возникающей идее, и весь вопрос. В специальных журналах, посвященных изобретательству, можно прочесть много непостижимых историй о том, что кому и как приходит в голову! Вы можете, например, прочесть о том, что, скажем, учитель — только потому, что он опоздал на поезд и вынужден был с тоской рассматривать пустые рельсы около пустынного перрона, — придумал вдруг новые гайки, новый тормоз или что-либо другое, что является кладом для железнодорожного дела, к которому, однако, учитель не имел никакого отношения, точно так же, как и к физике и металлотехнике.

Или — история изобретения железобетона. Разве она не поразительна?

Как известно, железобетон изобрел французский садовник Монье. У него была длинная возня с кадками для цветов. Не выходило у него с

кадками! Ах, эти кадки! Деревянные не выдерживали большого количества земли, необходимой для крупных растений. Кроме того, они быстро гнили, и старик делал кадки из цемента. Но цементные были тяжелы, громоздки, их стенки были нелепо толсты — тут надо было что-то придумать. И он неплохо придумал: он сделал каркас из железных прутьев и залил его цементом... Вот хорошо! Теперь кадки будут и тонки и прочны!

Вот вам и кадки... А подумал ли садовник о том, что это соединение цемента с железом даст такой толчок развитию человечества, который даже учесть нельзя так он велик?

Мы уверены, что он не подумал. Нет, наверное, не подумал. Он тер свой красный, или фиолетовый, или розовый нос и ни о чем не догадывался.

Затем еще вопрос. Думает ли изобретатель о благе человечества? Этим ли ценным устремлением руководится он, изобретая?

Трудно сказать. Говорят, что газы, как средство военной обороны, выдумал педантичный немецкий профессор только потому, что злая прислуга, которой он не мог отказать по невыясненным причинам, жаря котлеты, устраивала такой угарный смрад, что старик, в чем попало, бежал в соседний сквер и тут выдумал не на

радость, а на гибель людям кошмарное свое изобретение.

Он просто собирался, делая свои опыты, отравить прислугу усовершенствованным светильным газом, для чего два раза открывал газ в ванной, но, к сожалению, прислуга спаслась и, говорят, продолжает жить в Берлине, переменив только район.

Или, вот, пример совершенно ничтожного изобретения. О нем — тоже в Берлине — в одно ноябрьское утро кричал на улице чрезвычайно потертый человек в засаленной шляпе.

Это утро было очень холодное. С неба падала невероятная мокрая гнусность. Благоразумные люди были, конечно, дома. Ходили только те, чьи дела были неотложны. А этот изобретатель стоял на Фридрихштрассе и, выпуская изо рта огромные клубы пара, орал о своем изобретении. Около него останавливались, конечно, не только из жалости, а из этого ненасытного интереса людей к изобретательству. Люди внимательно вслушивались в его крики. О чем же он кричал? Чего он хотел?

Оказывается, он продавал мазь, которую — подумайте только! — можно смазать в ванной комнате или в бане зеркало, и зеркало не будет покрываться паром... Удивительный человек! Как это ему пришло в голову?

Как он додумался до этого? Собрал ли он какие-нибудь наблюдения? Почему его так беспокоило то, что, принимая горячую ванну или моясь в бане, люди не смогут несколько минут видеть своего отражения в зеркале? Подумаешь, какое несчастье!..

И вот этот полуголодный изобретатель, с красной, опухшей от холода и от непрерывного крика физиономией, орет на улице об этой мази! Что можно сказать по такому поводу?

Конечно, он хотел заработать — возможно быстрее и лучше, — он рассчитал, что человек, находящийся в бане, захочет видеть себя во всей красе.

Он преувеличил, бедняга, степень интереса людей к самим себе!

Его мазь покупали очень мало. Но не в этом дело.

Важно то, что глаза изобретателя горели, как они горят у всех изобретателей, хотя на его изобретении особенно останавливаться не стоит. В самом деле, что такое мазь для банного зеркала! Чепуха!

Открытие, легшее в основу нашего романа, — совсем другого порядка. Оно относится к числу открытий и изобретений, которые делают эпоху в жизни человечества. Даже больше, которые

производят коренной переворот в истории. Это вам не мазь для банного зеркала.

Об открытии, легшем в основу нашего романа, вы прочтете тысячи книг. Оно открывает новую эру.

Это ничего, что оно опоздало на многие и многие тысячелетия.

Все великие открытия и изобретения так опаздывают. Что же делать, когда до самых простых вещей, которые ясны любому ребенку, человечество додумывается после тысячелетий, потратив понапрасну неисчислимое количество усилий и заливая горький опыт морями собственной крови.

Например, как воевали? Подумайте только.

С одной стороны были солдаты в синих штанах и синих мундирах, а с другой — солдаты, скажем, в желтых штанах и в желтых мундирах.

Для чего это? Для того, чтобы в бою дерущиеся узнавали своих и отличали неприятеля. Как будто понятно.

Но в течение долгих веков никто, никто не подумал о том, как легко стрелять в человека, ярко разодетого... Синие стреляли в желтых, а желтые в синих, и те и другие восторгались четкостью мишеней... Поразительно!

И только совсем недавно кто-то в специальной французской военной литературе

пробовал разобраться в вопросе — что было бы, если бы французы при Седане не носили свои красные штаны? Очень возможно, что Седана бы не было, — размышлял военный специалист... Да, совсем бы не было Седана, если бы французы вовремя расстались со своими красными штанами! Во сколько же обошлись Франции эти красные штаны?

Но это, так сказать, частный вопрос. Можно запросить шире: во сколько обошлись человечеству цветные военные штаны и мундиры?

Были блестящие генералы и полководцы, были гениальные стратеги, их имена сияют до сих пор с любой страницы великой истории человечества, но таких простых вещей, которые ныне знает любой пионер, эти почтенные мужи не знали... Не знали — и все!

И вот понадобились века, чтобы японцы придумали для полевой войны специальный костюм защитного цвета, то есть спецодежду такого цвета, как трава, как песок, чтобы не так легко было попасть пулей в человека.

Казалось бы, куда проще! А для этого, вот видите, понадобились века...

Естественно, что то открытие, которому посвящен настоящий роман, а именно: умение искусственно создавать людей, пришло с еще большим опозданием, нежели многие более

простые изобретения и открытия, и родилось, конечно, не в результате каких-нибудь сотен, а многих тысячелетий непрерывного и разнообразного кромсания людей.

Но о том, что искромсанных людей можно чинить, возвращать к жизни, об этом никто не подумал. О том, что ловко вырванные кишки можно положить на место и опять заставить выполнять свои функции, — этого никто не знал. Даже более; по-видимому, не хотел знать. Важно было выпустить кишки, оторвать человеку голову, выломить ему руки и ноги и разбросать в разные стороны. Это делали виртуозно. А чтобы зашить, собрать человека по кусочкам и заставить вновь работать его сердце — это величайшее из чудес, — до этого никто не мог додуматься, хотя это чрезвычайно просто, еще, пожалуй, проще, чем цвет хаки в полевой войне.

Конечно, неизвестно, как это происходило детально, но на одном из больших погромов великое открытие наконец было сделано, и не только в негативной своей части, а именно — починка разорванных и исковерканных людей, но больше того: был найден рецепт изготовления человеческого теста и умение лепить из него — что чрезвычайно важно — людей новых.

Описанию этого знаменательнейшего, этого достойнейшего, прекраснейшего погрома,

происшедшего в отсталой монархической стране — стране, которая даже не стоит того, чтобы ее называли, — посвящается первая глава.

Глава первая

Погром был как погром. В нем участвовали не только чужие погромщики подонки общества и жители окраин, Активное участие в погроме принимали и многолетние соседи убиваемых и разгромляемых. Эти соседи деловито переносили к себе вещи убитых — благо, им было совсем близко. Правда, некоторым из них было совестно убивать старых соседей. Как-то неловко было. В этих случаях они ждали, когда их убьют другие, и, дождавшись, уносили вещи все-таки к себе.

Громилы очень интересовались содержимым животов беременных женщин. Животы эти вспарывались и, как водится, набивались пухом из подушек. Почему-то это считается особенным лакомством у погромных убийц. Младенцы убивались на ходу: ударом головой о фонарь или тумбу. Молодые девушки насилывались, а потом убивались. Мужчин убивали с большей поспешностью. Они все-таки являли собою несравненно большую угрозу, нежели девушки, женщины и дети, — ведь мужчина в погромной суматохе может укокошить и кого-либо из

погромщиков. Поэтому, естественно, мужчин убивали деловито и без разговоров. Зато стариков гоняли по дворам и улицам, и так как они не представляли прямой опасности, то над ними издевались, заставляли плясать, петь или, связанных, заставляли присутствовать при смерти своих дочерей, сыновей и внуков.

Разумеется, на этом погроме происходило много невероятных вещей, которые очень плохо рекомендуют человека. Смягчающих обстоятельств было мало. Правда, многие действовали в пьяном виде. Почти все были разагитированы дешевыми, незажигательными теориями. Полиция и войска поощряли погром. Тем не менее представление о людях резко менялось не только у пострадавших, но и у тех, кто был случайным свидетелем кошмарного зверства, проявленного двуногими. Менялись даже целые, хорошо сложившиеся мировоззрения.

На улицах, во дворах, на лестницах домов и в квартирах лежали убитые, раненые и на все лады исковерканные люди. Не надо было особенно пристально рассматривать — ужасы содеянного, чтобы найти в изрядном количестве, валяющиеся головы, руки и ноги.

Они, как принято выражаться, вопияли к небесам.

Но это, конечно, не меняло положения. «Вопияли к небесам» — это старое, выцветшее выражение, да и только.

И, разумеется, никто не обращал внимания на не старого еще человека, скромно одетого, который поднимал то ногу, то руку, то голову и приставлял на соответствующие места к- обрубкам тел. Думали, что это одна из погромных шуток, что это какое-либо издевательство, рассчитанное на длительный эффект. Заметив это, погромщики хохотали или выпускали дикие возгласы. Но уже через короткое время за странным человеком начали наблюдать.

Его поведение было действительно странное. Он заметно увлекался этим неслыханным делом. Он снял шапку, сбросил пиджак; ему было жарко, он вытирал пот, но продолжал носиться в разные стороны с оторванными руками, ногами и головами. У него нашлись добровольные помощники — несколько юношей, заинтересованных необычайными опытами, помогали ему. Странный давал им поручения, которые выполнялись ими, ввиду необычности дела, весьма точно и быстро.

— Слушай, сбегай на второй этаж, — кричал человек. — Там лежит рука, очевидно, принадлежащая вот этому телу.

Юноша побежал на второй этаж и принес требуемое. Человек приставил руку к плечу, что-то сделал с телом убитого (его движения напоминали энергичный массаж или то, как месят тесто). Пот лил ручьями с его одухотворенного невероятным энтузиазмом лица. Юноши тоже энергично возились с трупом и делали все, что им приказывали. Вокруг собралась толпа. Настроение ее с каждой секундой густело. Многие не понимали усилий странного человека. Зачем он складывает разные обрубки и мучается над ними? Для чего это нужно? Они так хорошо поработали, так удачно кромсали, а этот пытается приладить оторванные руки и ноги на соответствующие места... Небывалая работа! Сколько свет стоит и сколько было погромов — такого дела никто не видывал.

В толпе раздавались насмешки, переходившие в угрозы. Еще минута — и странный человек, возможно, разделит бы участь людей, с останками которых он возился.

Но чудо произошло вовремя. Помогавшие ему юноши буквально улетели в стороны, а толпа шарахнулась: труп встал совершенно бодро, даже без небольшой сонливости, которая должна была бы быть, которая бывает после обыкновенной болезни или после летаргии. Ничего. Встал как ни в чем не бывало. Почесал оторванную руку и довольно грубые швы (мы забыли упомянуть, что

старик работал шилом, прежде чем месить) и сказал, обнаруживая полную свежесть памяти и здравого сознания:

— Мерзавцы, гнусные убийцы! Что вы делаете? Когда вы прекратите? Ах вы сволочи, сволочи!

Совершенно невозможно описать, что произошло. История человечества знает бесчисленное количество бегств, но это бегство было первым по стремительности и по ужасу. Бежавшие погромщики подняли такой рев, плач, визг и крик, что стоны убиваемых были совершенно заглушены. Эта небольшая толпа, видевшая, как ожил убитый, своим бегством увлекла почти всех погромщиков. Даже через несколько улиц обращались в бегство целые полицейские казармы и войсковые части. Многие даже не успевали вскакивать на лошадей, и лошади бежали без всадников. Многие падали от ужаса и умирали от разрыва сердца.

Около оживленного остался только странный человек и помогавшие ему добровольцы-юноши. Они тоже не могли выговорить ни одного слова, но от радости, вернее — от состояния крайнего оцепенения, близкого к столбняку.

Наконец человек, открывший способ оживлять людей, пришел в себя и сказал оживленной жертве погрома:

— Поздравляю тебя, человечина! Ура! Отныне не страшны самые гнусные инстинкты наших ближних! Наплевать! Одни тебя укокошат, а другие тут же оживят! Нехитрая механика человеческого организма разгадана! Вот, посмотри на себя, чем ты был и чем стал? Знаешь ли ты о том, где еще час тому назад была вот эта рука и эта нога? Рука твоя лежала на втором этаже, а ногу я нашел в канаве. Твое лицо, подвернутое под спину, лежало с бессмысленной покорностью трупа, застывшего на первой попавшейся мысли. У тебя были вывороченные губы, и ты лежал, как болван, оцепенев от отчаяния только потому, что тебя рубили какие-то мерзавцы. Гнусная чепуха! Вот, смотри, теперь ты будешь жить, как все живут!

Тут произошло маленькое недоразумение. Он подошел к оживленному, осмотрел его, похлопал и заметил, что рука прилажена неправильно.

Он взял нож — их много валялось вокруг — и хотел подрезать руку, с единственной целью лучше ее приладить. Но оживленный вырвался с ловкостью животного, схватил дубину, которых тоже валялось достаточно, и отпустил своему спасителю такой удар, что череп у него лопнул в трех местах.

— Довольно! — орал он не своим голосом, прыгая с дубиной, как фавн. Довольно! Больше я не

дам себя убивать. Второй раз не удастся. Мерзавцы вы! Погромщики и убийцы!

Юноши с трудом успокоили несчастного и перевязали череп странному человеку веревкой. Он лежал, почти потеряв сознание, но успел пробормотать, что главное ему добраться бы домой, а там он череп себе починит.

Глава вторая

Юношей звали Ориноко и Камилл.

Выудив из потухающего сознания раненого его адрес и узнав, что его фамилия Латун, они отвезли его домой.

Человек, сделавший величайшее на земле открытие, жил в обыкновенной комнате, у обыкновенной квартирной хозяйки.

Комната была светлая. Два окна, выходящих на улицу, давали много света и освещали кровать, — такую кровать, которая обычно бывает у многих думающих и очень занятых людей, то есть небрежную, плохо прибранную, кровать, на которой спали мало и беспокойно.

В углу находился небольшой стол, заставленный всевозможными, неизвестного назначения, склянками, выдувателями, самодельными приборами, мисками с сероватой массой и предметами домашнего обихода. Вдоль

стены стояла еще длинная скамейка, тоже, как и подоконник, загроможденная лабораторным хламом. Неподалеку от кровати стоял большой чемодан, прикрытый ковриком. Этот чемодан был предметом особых забот хозяина. Внесенный на руках юношами, он тотчас же обратил в сторону этого чемодана озабоченное лицо. Когда его положили на кровать, он подал знак юношам, чтобы они ушли.

Затем, теряя сознание и возвращаясь к нему, он с глубоким стоном поднялся, вернее, свалился с кровати и подполз к чемодану. Около самого чемодана он опять потерял сознание на несколько минут. Очнувшись, он стал шарить ослабевшей рукой, ища нужную кнопку. Прошло немало времени, пока он нашел ее, и когда чемодан наконец раскрылся. Латун вскочил на колени, как человек, спасение которому пришло вовремя, и ткнулся головой в мякоть, занимавшую его среднюю часть. Чемодан был разграничен на отделения, и в разных клетках находились массы, похожие на тесто и отличающиеся по цвету. Ткнувшись головой в среднее отделение, заполненное синеватой мякотью, Латун постоял так несколько секунд, затем отпрянул, и лицо его приняло такое выражение, как будто он нанюхался табаку и сейчас начнет чихать. С этим выражением,

не вставая с колен, он постоял еще минуты полторы.

Затем вскочил с поразительной после недавнего состояния легкостью и, совершенно здоровый, прошелся по комнате.

Обыкновенными ножницами он срезал повязку, смахнул с волос синеватую пыль и, позвав бодрым голосом юношей, ожидавших в коридоре, стал смывать с лица кровь над обыкновенной умывальной миской.

Юноши, уже ошеломленные во время погрома зрелищем воскрешения мертвеца, все же были поражены выздоровлением Латуна не меньше, чем при операции с мертвецом.

Однако лишние вопросы, восклицания и внешнее изъявление чувств не было им свойственно. Камилл был моложе и наивнее, но и он ничего не сказал, а только открыл рот и испустил еле слышный возглас крайнего изумления.

— Садитесь, — сказал Латун, указав на кровать.

В комнате был только один стул, который он занял сам, вытирая руки и лицо мохнатым полотенцем.

— Вот что, дорогие мои, — сказал он. — Вы присутствуете при невероятном событии. Не обращайтесь внимания на обстановку. Потом, когда

об этом будут писаться сотни, тысячи, десятки тысяч книг, вряд ли будет описан этот грязный подоконник, эта скамья или неприбранная кровать, на которой вы сидите. Мое открытие будет овеяно легендами; которые обязательно будут придуманы.

Все будет стилизовано и выкрашено в праздничные тона. Вы же присутствуете в его непосредственных буднях, но тем не менее значение открытия от этого не умаляется. Конечно, мне теперь нужны будут люди. Так или иначе, придется кого-нибудь посвятить в тайну моего открытия. Не возражаю, чтобы вы были первыми. Я за естественный подбор. Раз вы здесь, значит, вам нужно здесь быть. Не в том дело, что вы меня привезли домой.

Конечно, я благодарен вам и за это. Но не это главное. Главное то, что во время погрома вы обратили внимание на мой опыт и весьма существенно ему помогли. Кстати, где тот, которого я оживил и который меня угостил ударом дубинки?

Ориноко спокойно и деловито сказал:

— Мы послали за ним третьего нашего товарища, Кнупфа. Вы его еще не знаете. Он тоже заинтересовался этим делом, и когда мы отправляли вас домой, мы попросили Кнупфа последить за воскрешенным — ведь нельзя же выпускать из виду такого человека... Это бывает не каждый день. Что

касается Кнупфа, то он коечто понимает в этих делах. Он недавно сам убил шесть человек, и вопросы воскрешения людей и человекоделания его весьма интересуют.

Латун неопределенно улыбнулся. Улыбка на его лице выглядела странно. В его чертах не было ничего особенно сурового, но что-то в корне отрицало улыбку. Улыбка так же не вязалась с лицом Латун, как, скажем, она была бы неожиданна у кошки, у лошади или другого животного.

Минут через десять в дверь постучались.

— Это Кнупф, — сказал Ориноко.

— Неужели так скоро? — спросил Латун.

— Да, он человек быстрый и решительный.

Действительно, это был Кнупф. Он вошел, держа за рукав, как полицейский арестованного, оживленного мертвеца. В позе Кнупфа и в его сдвинутых бровях было что-то суровое, но и крепкое в то же время-та же деловитость, которая отличала и его товарищей — Ориноко и Камилла.

Это были подходящие парни. Латун подумал, что подобрались именно те, кто нужны ему для столь трудного дела. Суровая и в то же время внимательная работоспособность и решительность юношей настраивала и его самого на деловой лад. Он старался попадать в тон своим помощникам.

— Ну, что? — обратился он к приведенному Кнупфом человеку. — Как вы себя чувствуете?

Оживленный мертвец прежде всего не мог оправиться от изумления при виде совершенно здорового Латуна, который еще так недавно лежал с разбитым черепом. Он ничего не мог сказать. Он стоял с открытым ртом, и в глазах его была та муть, какая отличает восприятие редкого и невиданного.

— Я ничего не понимаю, — сказал он, вздохнув и оправившись. — Или я с ума сошел, или происходит чтото чрезвычайно странное. Я был убит. Вы меня оживили. Затем я сделал несомненную ошибку, ударив вас дубиной. Да, я признаю свою ошибку. Сознаюсь, это был весьма поспешный акт. Но, согласитесь, я имел право на эту оплошность. Ведь очень неприятно быть убитым во второй раз. Как вы полагаете? Я ведь не знал, почему вы кинулись на меня опять с ножом. Но по дороге этот гражданин (он указал на Кнупфа) мне объяснил все. Кстати, — добавил он, — что вы меня держите за рукав? Я не убегу никуда. Я начинаю разбираться в обстановке...

Он оглянулся, подумал, вздохнул и сказал, обращаясь к Латуну, причем лицо его приняло выражение пациента, больничного просителя:

— Дорогой гражданин, вы сделали для меня много, но я не могу поворачивать голову влево. Вы явно неправильно приладили ее. Когда у вас будет

свободное время, пожалуйста, исправьте этот дефект. А теперь разрешите поблагодарить вас за возвращение мне жизни, отнятой отвратительными мерзавцами-погромщиками.

— Ладно, ладно, — хмуро сказал Ориноко, не любивший торжественных сцен. — Бросьте эти благодарности, всю эту чепуху. Не в этом дело. Предстоит много работы.

Инициативный, как и его товарищи, он достал из кармана свернутую тетрадку и обратился к оживленному:

— Расскажите, как вас убивали, а я запишу.

Латун одобрительно молчал.

— Вам это нужно? — спросил оживленный мертвец.

— Да. Нужно. Очевидно, не вы первый были убиты. Однако вы являетесь первым, кто подвергся такой удачной воскресительной операции. Человечество ждет такого рассказа тысячелетия. Правда, были случаи, когда люди бежали от смерти, казавшейся неминуемой. Например, неострелянные притворялись убитыми, а потом, оставленные в поле, спасались. И так далее. Их рассказы обычно бывают довольно содержательными, но, конечно, им трудно верить. Они большей частью врут, как охотники и как всякие люди, переживающие необычное. Некоторые врут даже незаметно для себя, то есть

врут и искренне думают, что именно так было. Воображение дорисовывает и приукрашивает случившееся. Вы же вряд ли успели приукрасить. Поэтому интересно послушать голую, настоящую правду. Рассказывайте скорее.

Кнупф отпустил наконец рукав приведенного, и последнему, ввиду явной его слабости, вызванной необычными переживаниями, дали единственный стул, с которого поднялся Латун.

Капелов (фамилия оживленного) сел, задумался и вдруг зарыдал очень искренне и горячо. Латун и трое юношей прогуливались по комнате.

Капелов рыдал, свесив голову и поворачивая ее вправо — влево она не поворачивалась. Слезы струями текли на его грудь и колени.

— Ах, мерзавцы, — вырывалось из его искривленного страданием, прыгающего от рыданий рта. — Вы не можете иметь представления о том, какие это мерзавцы. Я рыдаю от жалости к себе. О, что приходится переживать убитому, то есть убиваемому человеку...

Камилл подал Капелову стакан воды и вытер его лицо губкой, лежащей на столе.

— Успокойтесь, — довольно ласково сказал он; — Вы должны понять, что трагизма нет больше в этом деле. Ну, вас убили, а вы все-таки живете. Еще раз убьют — вторично будете оживлены. Вы

присутствуете при величайшем на земле открытии, благодаря которому смерть будет регулирована, как многое другое.

Капелов вытер слезы жестом, напоминающим детство.

— Началось это, как обычно начинается. Мы знали, что в городе тревожно, но, в конце концов, не в первый раз переживали такую тревогу. Были всякие слухи о беспорядках на окраине города, но мы надеялись, что все успокоится. Но вдруг, неожиданно, в полдень, когда я обедал со своей семьей, с улицы донеслись крики, свист, вопли, выстрелы и тот особый гул, который говорит о том, что несчастье развернулось и остановить его трудно. О, вы не знаете это собачье чувство беспомощности! Начинаешь себя чувствовать в чем-то виноватым... О, как унижительны эти поиски спасения! Как омерзительна мысль о погребке, о чердаке, о какой-нибудь норе, куда можно было бы запрятать несчастное тело, которое хотят разорвать. О, какой мрак!.. Самое обычное чувство здорового возмущения и протеста тускнеет. Ослабеваешь воля к жизни. В конце концов усталый мозг пронизывает одна мысль: только бы скорее. Скорее бы кончилось это издевательство, эта безмерная обида. Вы подумайте, огромная толпа набрасывается на безоружных, на детей, на женщин... Я даже не знаю, как это можно воспринять, как это

происходит. Это бойня. Убиваемые свиньи должны это чувствовать так же... Это... это что-то непоэтизируемое!.. Как им не стыдно?! Их так много, их охраняют и поощряют полиция и войска...

— А почему вы не сопротивлялись? — спросил Кнупф. — Что из этого, что их много! Терять вам нечего, все равно зарежут. Так сопротивляйтесь!!! Убивайте кого попало!!! Пусть за вашу жизнь поплатится жизнью десяток!

Капелов грустно задумался:

— Действительно, это верно. Даже мысль об этом возбуждает. Но это, с большим трудом можно осуществить. Вы знаете, в нас самих сидит провокатор. Имя ему — надежда. Человек надеется до последней секунды.

На что надеется? Неизвестно. Черт его знает, на что. Даже когда его присудили к смертной казни, прочитали приговор, вывели на площадь, собрали народ — уже ничего не может измениться, его не хотят слушать, бьют в барабаны, чтобы заглушить его слова, а он — идиот — надеется на что-то. Уже голову воткнули в петлю, а надежда его не покидает. Он смотрит выжупленными глазами, как баран, на руки палача, продолжая надеяться.

Ну, что вы скажете?

Кнупф, который убил шесть человек, имевших неосторожность напасть на него, и

которого жгло неугасимое желание рассказать этот случай, счел уместным сделать это сейчас.

— Нет, — сказал он, — надо раз навсегда отбросить в этом мрачном деле всякие сантименты. Что, в самом деле, ожидания, надежды, какие-то чувства виноватость какая-то, обреченность. Кому это нужно? Вот на меня напало шесть мерзавцев на дороге: с одной стороны крутая гора, с другой — озеро, Бежать некуда. А они стоят передо мною совершенно уверенные в том, что я буду для них игрушкой. Они не спеша собирались кончать со мной. Они даже не принимали мер предосторожности, ошибочно полагая, что я буду терпеливо ждать своей гибели. Ничего подобного. У меня не было никакого желания расставаться с жизнью. Я отчетливо помню, что у меня не было никаких чувств, никакой виноватости. Вздор! Я их ненавидел всем своим существом, с головы до ногтей на ногах. Я холодно высчитывал, как уничтожить бандитов, и, когда я неожиданно ударил одного из них страшным ударом — головой в лицо — и выхватил у него нож, я молниеносно проникся уверенностью, что ни один не уйдет. Пораженный в лицо ударом моей головы, он отступил на несколько шагов, а второй тут же упал с перерезанным горлом. На меня набросились двое, но я продолжал работать ножом, как бешеный, и, справившись с ними, догнал последних двух,

бежавших на небольшом расстоянии друг от друга. Ноги мои дрожали от неповторимой сладости победы. Да здравствует победа! Да здравствует решимость!! Да здравствует жестокость!! Пусть гибнет враг! Я не хотел слышать их презренные вопли, их выкрики и слова! Не хотел! Мне было безразлично, что они скажут! Если бы они говорили самые умные вещи...

— Вот, вот, вот именно, — с грустью перебил Капелов. — Это верно. Когда тебя режут, можешь говорить самые умные вещи, это не поможет. Все равно зарежут.

— Да, — продолжал Кнупф. — Я зарезал их. Почему они напали на меня, шестеро на одного безоружного? Что за гнусность, что за бесстыдство!!

— Совершенно верно, — продолжал Капелов. — Именно бесстыдство. О, если бы я мог так действовать, как вы! Но, повторяю, я не мог. Я жил исключительно надеждой. Я надеялся на счастливую случайность, на то, что они уйдут, что их отвлекут, что они забудут о нас, не заметят. Мало ли что могло произойти. И, когда они ворвались в квартиру и ударом топора на моих глазах убили мою жену, убили мою дочь, — я даже не понял, что произошло. Я ничего не чувствовал в эти мгновения. Повторяю, я просто не понимал, что происходит. Я думал, что это обман зрения, и — я

помню — ко мне подошел блондин, пристально глядевший на меня. Красивые губы его были чуть-чуть сжаты. Возбужденное спокойствие на его лице перемножалось с любопытством. Он подошел ко мне, схватил меня за волосы и стал резать шею. Так просто! Я рванулся и опрокинул стол. Я схватил лампу и-помню-очень удачно, очень ловко вклеил в его лицо. Мне казалось, что она вошла куда-то глубоко. А дальше не знаю, что было, — я потерял сознание. Скажите мне, дорогие, не можете ли вы оживить мою жену и дочь так, как оживили меня? Я не знаю, где они. Их тела так же истерзаны, как было истерзано мое. Но, может быть, их можно найти? Пойдемте поищем! Спасите их! Я буду вечно вашим рабом. Вечно! Пойдем, а?

Было ясно, что больше ничего Капелов не скажет и вряд ли сможет сказать. Кнупф высокопарно выразился, что человечество тысячелетия ждет рассказа оживленного человека о том, как его убивали. Но ничего существенного все же Капелов не сказал.

Латун громко зевнул и потянулся. На лице его отчетливо отразилась скука.

Латун был практиком. Размышления отвлеченного порядка его захватывали не очень глубоко. Во всяком случае из-за них он не забывал текущих дел. Посмотрев на Капелова и особенно выслушав его просьбу, сделанную в столь

заурядной, унижительной форме, о спасении жены и дочери, он поморщился и сказал будничным тоном:

— Постараюсь, постараюсь, голубчик. Это все же не так легко и просто, как вам кажется. Постараюсь. Голову вам тоже поправлю в свободное время.

— А сейчас нельзя? — попросил Капелов.

Помимо его воли тон у него получился развязный.

Латун из обыкновенного чувства противоречия, рожденного раздражением и легкой брезгливостью, ответил:

— Сейчас нельзя. Достаточно, что я вас оживил вообще. В вашем положении уметь поворачивать голову хотя бы в одну сторону — уже большое достижение.

— Это верно, — подтвердил Ориноко. Его задел тон Капелова. — Большое счастье уметь поворачивать голову хотя бы в одну сторону, точно так же, как и носить ее на плечах. Я помню, какой вид имела ваша голова, когда она лежала в канаве.

— Так вот, — сказал Латун, явно довольный поддержкой Ориноко, — если хотите, вы можете служить у меня. Я затеваю большое дело. Люди, откровенно говоря, мне не очень нужны. Я их умею делать сам точно так же, как и оживлять умерших. Но все-таки я согласен принять вас на работу. Материал стоит дорого, делать служащих и

работников придется много, так что я охотно воспользуюсь существующими людьми. В частности, вам все равно делать нечего. Имущество ваше разграблено, жены и детей нет. Кстати, чем вы занимались до того, как были убиты?

— Я был комиссионером чайной фирмы.

— Ну что ж, очень хорошо, — сказал Латун, явно не придавая значения своей фразе, сказанной им только для того, чтобы закончить беседу.

Затем он добавил:

— Посидите здесь пока. Ориноко, составьте список штатов первой в мире Мастерской Человеков. Запишите себя, Кнупфа, Камилла и гражданина Капелова.

Глава третья

Погром продолжался. Крики, вопли, выстрелы, топот, гнусные погромные свистки и шум омерзительнейших операций по преследованию и убийству людей не прекращались почти весь день.

Но Латун решил отправиться в комитет по делам открытий и изобретений, не дожидаясь окончания погрома.

— Надо приступить к работе, — сказал он. — У меня все готово. Надо получить разрешение. А если потребуется проверка, так это денег не будет

стоять: на улице сколько угодно трупов. Я покажу все, что они захотят, в смысле оживления, переделок и так далее.

Он отправился в комитет в сопровождении Кнупфа и Ориноко.

По случаю погрома работа в учреждении шла с перебоями. Настроение было полупраздничное, полутревожное. Но все-таки чиновник спросил у пришедших, что им нужно.

Латун в нескольких словах изложил ему суть величайшего своего открытия и добавил:

— Понимаете, для того, чтобы изобрести какой-нибудь примус, нужно все-таки затратить медь, олово, проволоку, всякие материалы, надо, наконец, жечь бензин. Тут же ничего этого не нужно. Кровь человеческая стоит дешево, вы видите, как она льется. По цене ее нельзя сравнить с бензином. Она просто ничего не стоит. А человеческое тесто, то есть человеческие ткани, валяются где попало, так что, пожалуйста, проверьте скорее мое открытие и дайте мне скорее патент. Я хочу открыть мастерскую, в которой буду не только оживлять умерших или преждевременно убитых, но и делать новых людей, так как секрет моего открытия вполне позволяет и это, хотя, правда, создание новых людей дороже оживления мертвых.

Юноши с волнением слушали и в подтверждение сказанного кивали головами.

Латун, проявляя огромную инициативу и полную самостоятельность в своих действиях, все же любил советоваться с окружающими, любил получать поддержку своих слов и действий и почти после каждой фразы обращался к молодым спутникам со словами:

— Не так ли? Не правда ли?

Юноши, искренно привязавшиеся к странному человеку и предчувствовавшие большое дело, соглашались с ним.

Но чиновник комитета по делам открытий и изобретений, хмуро зашнуровывая бумаги, с типичным чиновничьим равнодушием, которое во все времена и эпохи твердо, как железобетон, сказал:

— Изложите все это письменно. Устные заявления не принимаются.

На следующий день счастливец, сделавший величайшее в истории человечества открытие, принес декларацию в письменном виде. Но ему опять не повезло: декларация была написана не по форме. Чиновник пояснил:

— Вы неправильно написали. Вы должны изложить только суть открытия и должны оставить поля для примечаний. Вот и все. Остальное должен сделать комитет.

Латун спокойно спросил:

— Что же мне, опять переписывать? Ведь время же уходит зря.

— Да, придется переписать. Это не по форме. Я принять не могу.

Латун посмотрел на узкий лоб чиновника и подумал:

«А ведь я знаю, как с тобой обращаться. Дали бы мне тебя на полчаса, я бы тебе череп перекроил. Перестал бы ты быть бездушным формалистом».

Кнупф надулся — вероятно так, как перед убийством шестерых. Ориноко плюнул и отошел в сторону.

Но Латун жестом предложил им успокоиться, взял обратно бумагу и оглянулся.

В длинном коридоре вдоль стен стояли скамьи, и на них сидели понурые типы с разными бумагами и диковинными штуками в руках. Некоторые штуки не помещались на коленях у сидевших и стояли перед ними. Это были изобретатели со своими изобретениями.

Чего тут только не было! Длинные прутья с хитро навязанными нитками, деревянные и металлические конструкции, разные винты, огромные чертежи, клетки с трубами и без труб, стекольные макеты, картонные импровизации... Беспокойная, вечно ищущая человеческая мысль выбивалась наружу самыми неожиданными

способами. Один совершенно облезший старик с красными глазами держал на коленях темный ящик с путаницей из валиков посередине. Из них вырывалась хриплая унылая музыка.

— Что это такое? — спросил Латун.

— Это музыкальный перпетуум-мобиле. Это вечный музыкальный ящик. Вы можете его швырять, как хотите, он будет играть. Он уже был сброшен на дно колодца. Его везли в Париж, специально везли, чтобы сбросить с Эйфелевой башни, и — вот видите — играет.

Старик с необычайной живостью вскочил и поставил свой ящик недалеко от чиновника.

— Это я его донимаю музыкой, — жутко пошутил он. — Я уже хожу сюда четыре года, и только потому, что эта музыка осточертела всем, мне, кажется, скоро выдадут патент. Остановить мою музыку нельзя. А ваше изобретение играет?

— Нет, — ответил изобретатель человеческих тканей. — Мое открытие не играет.

— Ну, тогда вы не так скоро получите патент. Не один год сюда будете ходить.

Разговор с изобретателем музыкального перпетуумамобиле взволновал изобретателей, до этого спокойно сидевших на знакомых скамьях. Они заволновались, как волнуется болото, если в него запустить камнем. Они поднялись с насиженных мест. Некоторые стали стонать,

кричать без слов. Видно было, что несчастным надоели все слова. Они начали потрясать своими конструкциями, с некоторыми приключилась истерика. Они перебивали друг друга длинными жалобами на загубленную жизнь.

Обладателю тайны человекоделания стало жутко: что если и его тут будут мытарить годами, как всюду мытарят изобретателей?

С таким открытием, как человекопочинка и человекоделание, медлить нельзя. Но эти бездушные формалисты и неискоренимые консерваторы ничего не хотят знать.

Что делать? Правда, можно напасть на них и без особенного труда переделать. Железы консерватизма и бюрократизма не таятся в самых недрах человеческого организма, они расположены недалеко от мозжечка и продолговатого мозга, в уютной впадинке. Выкорчевать их можно обыкновенным кухонным ножом. Но так действовать нельзя. Что скажут власти? Ничего не поделаешь, надо будет терпеливо ждать прохождения открытия по всем инстанциям комитета.

Юноши возмутились, и один из них, наиболее смелый, сказал:

— Послушайте, уйдем отсюда. Ну их к черту! Откроем мастерскую човеков, и все. Так и назовем: «Мастерская Човеков», и начнем

работать. Распределим отделы, наготовим человеческого теста и начнем выполнять заказы. Нам будут привозить умерших, будем их оживлять, разумеется, если они достойны этого, — будем делать новое тесто для заказов новых людей, а патент сам собой придет. Наплевать нам на начальство. Придет какой-нибудь представитель от городских властей — мы ему выдернем, что надо, или переделаем в одно мгновение на нужный нам лад. Чего в самом деле стесняться!..

— Нет, — ответил обладатель величайшего открытия. — Я начальства боюсь. Начальство — это сила. Начальство — дело серьезное. Начальство умеет кромсать. У них штыки, у них войска. Правда, мы умеем зашивать прободение внутренности, нам не страшны кровавые репрессии, но, знаете, — все-таки кромсание кромсанию рознь. Начальство может обратить в порошок. Начальство все может. Нет, я начальства боюсь. Что из того, что мы можем восстанавливаться? Дома тоже можно восстановить. Однако нет более грустного зрелища, нежели развалины и пепелища. Одним словом, я высказываюсь за законное осуществление своего открытия. Мы можем, на худой конец, сделать так.

Он привлек к себе головы юношей и тихо сказал:

— Мы познакомимся с главными чиновниками комитета по делам изобретений, завлечем их при помощи девушек и угощения к нам домой, а там... переделаем на нужный нам лад. Они вмиг выдадут нам патент.

Юноши согласились на это с той серьезностью и деловитостью, которая впоследствии определила стиль работ и быта первой в мире Мастерской Человеков.

Глава четвертая

Капелов никак не мог оправиться от всего, что с ним произошло. Безмерная тоска по жене и дочери, нечеловеческая по силе жалость к ним, страшная картина их убийства стояла в памяти и жгла. Двое суток — без сна и пищи — он бродил по городу, по моргам, больницам и кладбищам и искал свою несчастную семью. Но не нашел. От нее не осталось никаких следов. Дом сгорел, а куда девались истерзанные трупы, никто не знал.

Капелов исхудал, плохо ел, не спал. Его часто лихорадило. Часто безудержно дрожали и дергались губы и левый глаз.

Обида — огромная обида — угнетала его. Но, кроме этой большой обиды, жгла и другая, поменьше, но всетаки тоже обида. Его глубоко оскорбило нежелание Латуна оживить его семью.

Правда, вряд ли ее можно было бы найти, но ведь он отказался до поисков. Почему он так небрежно и грубо отклонил его просьбу? Разве можно так?

Затем неприятнейший разговор о повороте головы.

Уж раз оживил человека, так доведи дело до конца. Вот он не может повернуть голову. Кому нужно, чтобы он был лишен возможности поворачивать голову?! Это так неудобно и нелепо. Кстати, Ориноко тоже хорошенькая штучка. Полез с подхалимской речью! Ах, как тяжело зависеть от людей!.. Как тяжело!

Правда, надо бы быть благодарным Латуну за то, что он оживил его, но все-таки семью он тоже мог бы оживить и голову тоже мог бы подправить. Это ничем не оправданная черствость со стороны Латуну. Тоска переполняла Капелова. Он часами думал над жизнью, и думы его были печальны.

Во время поисков он пережил еще одно потрясение: он встретил своего убийцу!

Поразительно! Зверь нисколько не изменился! На лбу его алела шишка это от лампы, но больше никаких изменений не было! Вот эти сжатые губы, будь они прокляты, этот, в общем, спокойный заурядный облик — кто бы мог подумать, что такой тип будет резать горло человека, как ни в чем не бывало, вскрывать череп, как арбуз!.. Что происходит, в самом деле?!